

Идейность и новаторство

Творческое наследие К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко привлекает пристальное внимание деятелей советского театра.

Н. ГОРЧАКОВ

Заслуженный деятель искусств РСФСР

Выпуск первого тома театрального наследия Вл. И. Немировича-Данченко, подготовленного научно-исследовательской группой Института театра и музыки, работающей при МХАТ, следует отметить как крупное достижение советского театроведения.

Его составитель и редактор В. Виленкин правильно решил поставленную перед ним задачу. Он не стремился к хронологически последовательной публикации статей и бесед Вл. И. Немировича-Данченко; он предпочел путем тщательной проработки отобрать материал к ней. Следует, однако, упрекнуть составителя книги в том, что некоторые сокращения в тексте неудачны — может быть, их следовало бы объяснить в комментариях.

«Этот театр — твоя гордость», — так оценил Чехов в одном из своих писем деятельность Немировича-Данченко в художественном театре. И Владимир Иванович мог справедливо гордиться этим великим делом своей жизни — Московским Художественным театром стал гордостью русского советского театрального искусства.

В тяжелые годы общего упадка русской культуры и искусства Немировичу-Данченко принадлежала мысль организовать в Москве Художественно-Общедоступный театр для небогатых слоев населения, — театр, который стал бы трибуной для русской передовой трудовой интеллигенции.

Вместе с К. С. Станиславским Владимир Иванович разрабатывает новаторскую программу организации и работы художественного театра, который должен был нести в народ высококачественное реалистическое искусство, правильное по содержанию, совершенное по форме.

Угадывая в Станиславском будущего реформатора русского театрального искусства, Владимир Иванович предоставляет ему возможность осуществлять в режиссуре спектаклей его художественные замыслы с исчерпывающей полнотой. На себя Немирович-Данченко берет ответственность за репертуарную линию театра и вопросы организации всех частей сложного театрального механизма.

Об этом «разделении труда» великолепно сказано в письме Немировича-Данченко к Станиславскому.

«Мое с Вами «слияние», — пишет Владимир Иванович, — тем особенно ценно, что в Вас я вижу качества художника *par excellence*², которых у меня нет. Я довольно далекоидно смотрю в содержание (репертура, пьесы. — Н. Г.) и его значение для современного зрителя, а в форме склонен к шаблону, хотя и чутко ценю оригинальность. Здесь у меня нет ни Вашей фантазии, ни Вашего мастерства. И поэтому, я думаю, лучшей нашей работой будут пьесы, которые я высоко ценю по содержанию, а Вам дадут простор творческой фантазии».

В письмах Немировича-Данченко к Станиславскому, помещенных в данном сборнике, отлично отражена та глубокая, органическая близость, которая характеризовала их творческое содружество в период организации Художественного театра. Решающее значение в становлении театра на пути «жизненной правды» придавал Владимир Иванович системе Станиславского и неоднократно подчеркивал это в своих публичных выступлениях, оберегая систему Станиславского от одностороннего использования ее ради показа со сцены не большой идейно-художественной правды, а мелкой, бытовой «правды», по выражению Л. М. Леонидова. Об этом убедительно говорит помещенная в сборнике речь Немировича-Данченко на торжественном заседании в МХАТ по случаю тридцатипятилетнего юбилея театра.

В письмах к Станиславскому мы находим и чрезвычайно важные мысли Немировича-Данченко о значении для театра современного репертуара.

«Если театр посвящает себя исключительно классическому репертуару и совсем не отражает в себе современной жизни, то он рискует очень скоро стать академически-мертвым... По самому своему существу театр должен служить душевным запросам современного зрителя».

«Мое с Вами «слияние», — пишет Владимир Иванович, — тем особенно ценно, что в Вас я вижу качества художника *par excellence*, которых у меня нет. Я довольно далекоидно смотрю в содержание (репертура, пьесы. — Н. Г.) и его значение для современного зрителя, а в форме склонен к шаблону, хотя и чутко ценю оригинальность. Здесь у меня нет ни Вашей фантазии, ни Вашего мастерства. И поэтому, я думаю, лучшей нашей работой будут пьесы, которые я высоко ценю по содержанию, а Вам дадут простор творческой фантазии».

² *Par excellence* — по преимуществу.

Немирович-Данченко с этих позиций разрабатывает наметавшийся репертуар Художественного театра; своим взглядом на роль современной пьесы в творческой жизни театра он остается верен на всех этапах развития МХАТ.

Немирович-Данченко «открыл» не только для Художественного театра, но и для всего русского театрального искусства великое значение драматургии Чехова и Горького. Станиславский вместе с Немировичем-Данченко нашел совершенно новый «ключ» к воплощению пьес Горького и Чехова на сцене.

Громадное значение для всей русской театральной культуры имело появление на сцене Художественного театра и пьес Льва Толстого. Немирович-Данченко выдержал жестокую борьбу с царской цензурой за то, чтобы на сцене Художественного театра шла такая спектакль, как «Живой труп». Имена великих русских писателей, классиков русской драматургии Грибоедова, Гоголя, Пушкина, Тургенева, Островского, Салтыкова-Щедрина с громадной силой прозвучали в самые мрачные годы реакции в спектаклях МХТ, поставленных режиссером Станиславским и Немировичем-Данченко.

В творческой деятельности Немировича-Данченко и Станиславского было немало и трудных периодов. Были и разногласия между обоими основателями театра, были и отдельные недоразумения.

Да могло ли их и не быть, когда во главе совершенно нового по своему идейному и художественному значению дела стояли два таких крупнейших художника, прошедших в моменту возникновения Художественного театра большой, яркий, самостоятельный путь? Споры и расхождения между Немировичем-Данченко и Станиславским по отдельным вопросам творческой жизни МХАТ были глубоко принципиальны, из них всегда рождалась та «истина», которая двигала театр в целом вперед.

Из этого, однако, не следует, что у основателей МХАТ в дореволюционный период их деятельности не было ошибок и отдельных срывов. «Гамлет» в постановке Г. Крета и Станиславского, увлечение Немировича-Данченко пьесами Л. Андреева, инсценировка романа «Бесы» Достоевского — эти тяжелые ошибки могли бы стать непоправимыми для Художественного театра, если бы и Немирович-Данченко и Станиславский изменили тем принципам демократизма, которые они сами так прочно заложили в первый период существования театра (1898—1905 гг.).

Умение глубоко заглянуть внутрь самих себя, найти корень своих ошибок было присуще замечательным основателям Художественного театра. Не стеснялись они критически оценивать и работы друг друга.

Горько жалуется Немирович-Данченко в письме к Л. Я. Гуревич на то, что в погоне за «красивым зрелищем» театр теряет свою идейную устремленность.

«В настоящий момент, — пишет Владимир Иванович, — особенно ярко чувствуется, до какой степени красота есть палка о двух концах, как она может поддерживать и поднимать бодрые души и как она в то же время может усыплять совесть. Если же красота лишена того революционного духа, без которого не может быть никакого великого произведения, то она преимущественно только ласкает бессовестных».

Эти мысли Немировича-Данченко относились и к постановке Станиславского «Хозяйка гостиницы» Гольдони и к «нейтральному» возобновлению театром в 1914 году спектакля «Горе от ума» Грибоедова.

Рука об руку ведут оба основателя Художественного театра борьбу с декадентами и формалистами, за идейность и реализм русского театрального искусства. Борьба эта была не легкой. Необходимы были вся необычайная энергия Немировича-Данченко, его изумительное знание театра, огромная вера в будущее, в победу революционных, демократических идеалов, чтобы в мрачные предреволюционные годы твердой рукой вести корабли Художественного театра по верному пути.

Четкую оценку положения театра в канун Великого Октября дал Немирович-Данченко в торжественный день сорокалетия МХАТ.

«Мы все сейчас великолепно сознаем, — сказал Владимир Иванович, — что если бы

не было Великой Октябрьской социалистической революции, наше искусство потерялось бы и заглохло. Поэтому, отвечая на вопрос, чему и кому мы обязаны нашим сегодняшним праздником, я отвечаю решительно и прямо: мы этим обязаны Октябрьской социалистической революции и нашим гениальным революционным вождям».

Речи и статьи Немировича-Данченко, помещенные в первом томе его театрального наследия, рисуют нам замечательный образ советского художника, выдающегося строителя социалистической культуры, безгранично преданного интересам своей Родины, своего народа, великому делу Ленина — Сталина.

В первые же годы советской власти с полной силой проявляется замечательная черта творческой индивидуальности Немировича-Данченко: он становится крупнейшим театральным общественным деятелем. Всегда безгранично преданный патриот своей Родины, он последовательно и решительно идет по пути, который определяется генеральной линией Коммунистической партии в идеологических вопросах.

Немирович-Данченко был в числе тех передовых представителей русской культуры, кто в первые же годы после Октябрьской революции откликнулся на призыв Коммунистической партии идти и работать в органах первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Народный комиссар просвещения назначил его директором МХТ, членом коллегии Театрального отдела Наркомпроса.

С чувством глубочайшей ответственности принял Немирович-Данченко эти назначения и с тех далеких суровых лет не переставал отдавать свои силы государственной и общественной работе. Он организует общедоступные спектакли в районах, выступает с лекциями и статьями по вопросам театра и драматургии, горячо призывает всех театральных деятелей участвовать в строительстве новой, социалистической культуры. Выступая в печати, обращаясь лично к выдающимся деятелям современного советских драматургов, их письма к Немировичу-Данченко (частично опубликованные в периодической печати), которыми следовало бы пополнить данную тему в будущих книгах театрального наследия.

В первые же годы советской власти с полной силой проявляется замечательная черта творческой индивидуальности Немировича-Данченко: он становится крупнейшим театральным общественным деятелем. Всегда безгранично преданный патриот своей Родины, он последовательно и решительно идет по пути, который определяется генеральной линией Коммунистической партии в идеологических вопросах.

Немирович-Данченко был в числе тех передовых представителей русской культуры, кто в первые же годы после Октябрьской революции откликнулся на призыв Коммунистической партии идти и работать в органах первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Народный комиссар просвещения назначил его директором МХТ, членом коллегии Театрального отдела Наркомпроса.

С чувством глубочайшей ответственности принял Немирович-Данченко эти назначения и с тех далеких суровых лет не переставал отдавать свои силы государственной и общественной работе. Он организует общедоступные спектакли в районах, выступает с лекциями и статьями по вопросам театра и драматургии, горячо призывает всех театральных деятелей участвовать в строительстве новой, социалистической культуры. Выступая в печати, обращаясь лично к выдающимся деятелям современного советских драматургов, их письма к Немировичу-Данченко (частично опубликованные в периодической печати), которыми следовало бы пополнить данную тему в будущих книгах театрального наследия.

В первые же годы советской власти с полной силой проявляется замечательная черта творческой индивидуальности Немировича-Данченко: он становится крупнейшим театральным общественным деятелем. Всегда безгранично преданный патриот своей Родины, он последовательно и решительно идет по пути, который определяется генеральной линией Коммунистической партии в идеологических вопросах.

«Мы все сейчас великолепно сознаем, — сказал Владимир Иванович, — что если бы

назначение Вл. И. Немировича-Данченко председателем Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы было следствием того, что общественная деятельность Владимира Ивановича выходила далеко за пределы руководимого им МХАТ и Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Он с горячим интересом следил за могучим развитием всей советской социалистической культуры, справедливо оценивал достижения советского искусства в любой области.

Его авторитет в равной мере признавали советские писатели, художники, композиторы, архитекторы, скульпторы, деятели кино и театра. Они знали, что в лице Владимира Ивановича имеют высказательное и верное заступничество всего подлинно художественного.

«Я всегда чувствовал глубокую внутреннюю связь всех искусств, — сказал Немирович-Данченко в торжественный день вручения дипломов лауреатам Сталинской премии в 1941 году. — ...Сегодня наиболее старые из вас, причастные ко всем искусствам, наконец увидели то, о чем всегда мечтали, чего никогда — не только на протяжении моей жизни, но и в истории культуры всех народов — не было: как одним взмахом, тем гигантским, гениальным взмахом, который так присущ нашим вождям, объединены все представители всех искусств».

В годы Великой Отечественной войны он горячо призвал защищать советскую культуру от фашистских полчищ Гитлера. «Защитим нашу родину, нашу свободу», — писал он 7 ноября 1941 года.

Имя Немировича-Данченко, как художника сцены, связано с именами крупнейших драматургов. Он ставил спектакли по пьесам Чехова, Горького, Островского, Грибоедова, Льва Толстого, Тренева, Вс. Иванова и Леонова. Наблюдая его репетиции «Врагов» Горького, «Трех сестер» Чехова или «Любови Яровой» Тренева, мы поражаемся проникновению его режиссерской мысли в те глубочайшие пласты подлинной жизни, которые отображали названные произведения. Начиная работу над новой пьесой,

Великое значение работы Немировича-Данченко и с молодыми советскими драматургами. В своих воспоминаниях А. Афиногенов, Вс. Иванов, Л. Леонов, А. Корнейчук, Н. Вирта говорят о Владимире Ивановиче как о чутком художнике, с исключительным вниманием относившемся к их первым пьесам о советской действительности, помогавшем им конкретным советом, ценившем в них воспринятых лучших традиций русской литературы.

К сожалению, материалы, рассказывающие об этой важнейшей стороне деятельности Немировича-Данченко, даны в сборнике очень скупо. Существуют свидетельства современных советских драматургов, их письма к Немировичу-Данченко (частично опубликованные в периодической печати), которыми следовало бы пополнить данную тему в будущих книгах театрального наследия.

Великое значение работы Немировича-Данченко и с молодыми советскими драматургами. В своих воспоминаниях А. Афиногенов, Вс. Иванов, Л. Леонов, А. Корнейчук, Н. Вирта говорят о Владимире Ивановиче как о чутком художнике, с исключительным вниманием относившемся к их первым пьесам о советской действительности, помогавшем им конкретным советом, ценившем в них воспринятых лучших традиций русской литературы.

«Мы все сейчас великолепно сознаем, — сказал Владимир Иванович, — что если бы

Владимир Иванович всегда подчеркивал, что политическая идея должна найти свое сценическое выражение в полном слиянии ее содержания с «великолепным художественным изображением».

К правде социальной через жизненную и художественную правду — так формулировал он творческую задачу в работе актера над ролью, режиссера над пьесой.

О режиссуре Немировича-Данченко увлекательно рассказывают стенограммы его репетиций по спектаклям «Анна Каренина», «В бурю», «Половчанские сады», «Три сестры», «Кремлевские куранты». К сожалению, таким важным для современного режиссуры понятиям, как, например, «второй план», в данном сборнике уделено ничтожно мало места, и приведенная статья Немировича-Данченко на эту тему не дает конкретного представления и практического раскрытия его мыслей и его работы с актерами над «вторым планом» роли. Мало отражена в первом томе театрального наследия деятельность Владимира Ивановича и в области оперного искусства. Надо полагать, что в последующих томах эта тема займет то место, которое она заслуживает. Даже по одной стенограмме репетиций «В бурю» Т. Хренникова можно судить, какой интерес будет представлять опубликование впоследствии остальных материалов о работе Немировича-Данченко в Музыкальном театре.

Всей своей деятельностью Немирович-Данченко неизменно утверждал громадное, решающее значение в творческой жизни театра автора-драматурга. «Театру актера» и «театру режиссера», о которых любил говорить некоторые театральные деятели, узко понимавшие задачи своей профессии, Владимир Иванович противопоставлял «театр автора».

Но это никак не означало для него пренебрежения к искусству актера и режиссера. Его письмо к Хмелеву, его характеристика Шуккина и Климова, его заметки о творчестве актера и режиссера, его мысли о театре, его выступления на собраниях труппы МХАТ и музыкального театра его имени, его беседы с режиссерами и актерами периферии — красноречивые свидетельства огромного внимания к вопросам воспитания актера и режиссера.

В советском художнике неотделимо личное от общественного. Мы ценим и любим

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

выдающихся деятелей советской культуры в равной мере за их высокое мастерство и за их личные человеческие качества.

Для всех, кто знал Немировича-Данченко, его «человеческое» было столь же высоко и прекрасно, как и его великолепный талант режиссера и общественного театрального деятеля.

Тем, кто его мало знал, он мог показаться несколько замкнутым и чересчур строгим. Как это ни удивительно, но при всем своем огромном жизненном опыте, эрудиции, общении с виднейшими писателями, деятелями искусства и культуры, выдающимися артистами, художниками и композиторами Владимир Иванович очень трудно, как говорится, «сходилась», сближался с людьми. Это не было недоверием к людям, — это было проявление личной скромности и, я бы даже сказал, в какой-то мере недооценки самого себя.

Лучшая характеристика этой черты Владимира Ивановича, художника и человека, — его обращение в письме к Станиславскому: «Я без вас ничего не могу. Вы без меня можете, но меньше, чем со мной».

Отсюда и то впечатление известной сержантской, которое производил Владимир Иванович при первом знакомстве. Но не было друга вернее и преданнее, если Владимир Иванович принимал вас в круг своих близких, своих единомышленников по искусству.

Он ни разу не скрывал своих расхождений со Станиславским и с некоторыми другими крупнейшими артистами МХАТ старшего и среднего поколения, но это не влияло на его личные, проникнутые любовью и дружбой отношения к своим боевым соратникам по театру.

«...Личное и творческое так сплеталось в наших переживаниях, что разоборать, где кончаются дружеские чувства и где начинаются чувства художника, не было никакой возможности», — сказал Владимир Иванович в своей речи в горестный день похорон Станиславского.

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Выдающиеся деятели советской культуры в равной мере за их высокое мастерство и за их личные человеческие качества.

Для всех, кто знал Немировича-Данченко, его «человеческое» было столь же высоко и прекрасно, как и его великолепный талант режиссера и общественного театрального деятеля.

Тем, кто его мало знал, он мог показаться несколько замкнутым и чересчур строгим. Как это ни удивительно, но при всем своем огромном жизненном опыте, эрудиции, общении с виднейшими писателями, деятелями искусства и культуры, выдающимися артистами, художниками и композиторами Владимир Иванович очень трудно, как говорится, «сходилась», сближался с людьми. Это не было недоверием к людям, — это было проявление личной скромности и, я бы даже сказал, в какой-то мере недооценки самого себя.

Лучшая характеристика этой черты Владимира Ивановича, художника и человека, — его обращение в письме к Станиславскому: «Я без вас ничего не могу. Вы без меня можете, но меньше, чем со мной».

Отсюда и то впечатление известной сержантской, которое производил Владимир Иванович при первом знакомстве. Но не было друга вернее и преданнее, если Владимир Иванович принимал вас в круг своих близких, своих единомышленников по искусству.

Он ни разу не скрывал своих расхождений со Станиславским и с некоторыми другими крупнейшими артистами МХАТ старшего и среднего поколения, но это не влияло на его личные, проникнутые любовью и дружбой отношения к своим боевым соратникам по театру.

«...Личное и творческое так сплеталось в наших переживаниях, что разоборать, где кончаются дружеские чувства и где начинаются чувства художника, не было никакой возможности», — сказал Владимир Иванович в своей речи в горестный день похорон Станиславского.

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Выдающиеся деятели советской культуры в равной мере за их высокое мастерство и за их личные человеческие качества.

Для всех, кто знал Немировича-Данченко, его «человеческое» было столь же высоко и прекрасно, как и его великолепный талант режиссера и общественного театрального деятеля.

Тем, кто его мало знал, он мог показаться несколько замкнутым и чересчур строгим. Как это ни удивительно, но при всем своем огромном жизненном опыте, эрудиции, общении с виднейшими писателями, деятелями искусства и культуры, выдающимися артистами, художниками и композиторами Владимир Иванович очень трудно, как говорится, «сходилась», сближался с людьми. Это не было недоверием к людям, — это было проявление личной скромности и, я бы даже сказал, в какой-то мере недооценки самого себя.

Лучшая характеристика этой черты Владимира Ивановича, художника и человека, — его обращение в письме к Станиславскому: «Я без вас ничего не могу. Вы без меня можете, но меньше, чем со мной».

Отсюда и то впечатление известной сержантской, которое производил Владимир Иванович при первом знакомстве. Но не было друга вернее и преданнее, если Владимир Иванович принимал вас в круг своих близких, своих единомышленников по искусству.

Он ни разу не скрывал своих расхождений со Станиславским и с некоторыми другими крупнейшими артистами МХАТ старшего и среднего поколения, но это не влияло на его личные, проникнутые любовью и дружбой отношения к своим боевым соратникам по театру.

«...Личное и творческое так сплеталось в наших переживаниях, что разоборать, где кончаются дружеские чувства и где начинаются чувства художника, не было никакой возможности», — сказал Владимир Иванович в своей речи в горестный день похорон Станиславского.

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Выдающиеся деятели советской культуры в равной мере за их высокое мастерство и за их личные человеческие качества.

Для всех, кто знал Немировича-Данченко, его «человеческое» было столь же высоко и прекрасно, как и его великолепный талант режиссера и общественного театрального деятеля.

Тем, кто его мало знал, он мог показаться несколько замкнутым и чересчур строгим. Как это ни удивительно, но при всем своем огромном жизненном опыте, эрудиции, общении с виднейшими писателями, деятелями искусства и культуры, выдающимися артистами, художниками и композиторами Владимир Иванович очень трудно, как говорится, «сходилась», сближался с людьми. Это не было недоверием к людям, — это было проявление личной скромности и, я бы даже сказал, в какой-то мере недооценки самого себя.

Лучшая характеристика этой черты Владимира Ивановича, художника и человека, — его обращение в письме к Станиславскому: «Я без вас ничего не могу. Вы без меня можете, но меньше, чем со мной».

Отсюда и то впечатление известной сержантской, которое производил Владимир Иванович при первом знакомстве. Но не было друга вернее и преданнее, если Владимир Иванович принимал вас в круг своих близких, своих единомышленников по искусству.

Он ни разу не скрывал своих расхождений со Станиславским и с некоторыми другими крупнейшими артистами МХАТ старшего и среднего поколения, но это не влияло на его личные, проникнутые любовью и дружбой отношения к своим боевым соратникам по театру.

«...Личное и творческое так сплеталось в наших переживаниях, что разоборать, где кончаются дружеские чувства и где начинаются чувства художника, не было никакой возможности», — сказал Владимир Иванович в своей речи в горестный день похорон Станиславского.

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Великое чувство дружбы ко всем, кто искренне разделял высокие идеалы в искусстве, пронес Владимир Иванович через всю свою замечательную жизнь. Да, он был строг, но это была справедливая, воспитывающая строгость старшего, мудрого, богатого и жизненным опытом и творческим трудом для кого друга, для кого учителя, а

Сов. Искусство.
19 ноября 1952